

НАУЧНАЯ БИОГРАФИЯ В ФОРМИРОВАНИИ КАРТИНЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ 20-х гг. XX ст. (К 100-ЛЕТИЮ ВЛАДИМИРА БОРИСОВИЧА БАРКОВСКОГО)

В статье на основе документов делопроизводства органов местной власти из фондов регионального архива реконструированы модель поведения и обстоятельства жизненного выбора на историческом перепутье семьи, проживавшей в Белгороде до начала 30-х гг. и разорванной войнами и революциями.

Ключевые слова: опыт экстремального выживания в условиях войн и революций, сестра милосердия, Дом матери и ребенка, советская школа I и II ступеней, семейные традиции.

Исследование, посвященное белгородскому периоду биографии Героя России Владимира Борисовича Барковского, и последовательная, детальная проработка автором настоящей статьи массива архивных документов позволяют использовать более весомые аргументы в отношении критических замечаний, ранее высказанных нами в адрес белгородских краеведов [1]. И не только потому, что они скрывают первоисточники информации. В большей степени из-за того, что они при написании биографии нашего выдающегося земляка избрали путь домыслов, догадок, который ведет молодых исследователей по ложному пути. Пагубна псевдонаучная информация отдельных краеведческих работ, поскольку она используется в школьных исследовательских работах, наполнении регионального компонента уроков истории в образовательной школе Белгородской области. Материалы эти общедоступны, ибо выставляются в электронных версиях региональных средств массовой информации в Интернете. Применение микроисторического подхода в исследованиях по истории повседневности, научной биографии как самостоятельных отраслей изучения прошлого, признанных в профессиональном сообществе историков, дает шанс исправить и устранить ранее допущенные ошибки в изучении биографии отдельно взятой исторической личности, в объяснении особенностей поступков индивидуума в контексте складывающихся обстоятельств его частной жизни. Германский исследователь А. Людке, предлагая продвигаться вперед в формировании исторической картины прошлого, призывает поставить во главу угла "детальное историческое описание устроенных и обездоленных, одетых и нагих, сытых и голодных, раздора и сотрудничества между людьми, а также их душевных переживаний, воспоминаний, любви и ненависти, а также надежд на будущее" [2].

Биографические сведения о членах семьи Барковских – Курчениновых, в прошлом большой и заметно поредевшей в 20-х гг. XX ст., бесценны. Во-первых, потому, что подтверждают полученные ранее сведения в неопубликованных документах из фондов Государственного архива Белгородской области (далее – ГАБО), уже введенные в научный оборот [1]. Дальнейшая работа с архивными документами уездных и окружных органов Советской власти позволила еще не раз усомниться в достоверности материалов публикаций белгородских краеведов. Например, в частности, необоснованного утверждения о том, что мать Владимира Борисовича Барковского Екатерина Анатольевна (до замужества Курченинова) была выпускницей Московского Елизаветинского института благородных девиц [3]. Поиски сведений о местах ее обучения лишь отчасти увенчались успехом. Сама Е. А. Барковская, указывая место обучения и определяя уровень своей профессиональной подготовки, связывает это отнюдь не с Москвой, а с губернским городом Курском. Поскольку стоит доверять больше анкетным данным, представленным ею лично для получения направления для приема на работу и подтверждения статуса советской служащей, которые не потребовали от властей дополнительных документальных подтверждений. Среднее профессиональное (учительское) образование Катя, родившаяся в семье "потомственного дворянина, губернского секретаря Анатолия Петровича Курченинова и его жены Лидии Александровны 7 (21) ноября 1893 г. в г. Белгороде" [4], могла получить в Курске в частной школе II разряда А. Н. фон Рутцен. Именно здесь, начиная с 1905 г., приступили к набору лиц женского пола среди желающих в Курской губернии получить учительскую профессию. На обучение в Белгородском учительском институте рассчитывать не приходилось, так как даже с началом образовательных реформ в Российской империи XX ст. это учебное заведение продолжало принимать на обучение лишь мужчин. Поскольку сама Екатерина Анатольевна в 1920 г. указывала на то, что у нее две профессии – учительская и медицинская, вторую она могла приобрести на курсах сестер милосердия при Белгородской земско-городской Александровской больнице, находившейся по месту жительства, на улице Шереметьевской в Белгороде.

В анкете мать будущего Героя России, а в 1920 г. просто 7-летнего мальчика Володи Барковского, приводит о себе следующие персональные данные: "Год рождения – 20.XI.1894. Какой местности

уроженка – г. Белгорода Курской губ. Место проживания – г. Белгород, Покровская, д. ск. (вероятно, это сокращение собственная квартира) 2. Занимаемая должность или род выполняемых обязанностей – сестра милосердия. Полученное образование – среднее учительское, г. Курск, сестра милосердия" [5].

С началом Первой мировой войны в 1914 г. в тылу начали выполнять свои функции медицинские учреждения – лазареты. К концу первого военного года по частично опубликованным отчетам в г. Белгороде их было четыре. Один был создан по инициативе Всероссийского союза городов на 60 койко-мест для больных и раненных, прибывающих с театра боевых действий. Ещё три возникли при поддержке земства: при земско-городской Александровской больнице на 30 коек, солдатский на 100 чел., офицерский на 150 человек [6]. Е. А. Барковская сестрой милосердия могла состоять в одном из лазаретов, развернутых по инициативе Белгородского уездного земства, так как в опубликованном отчете за 1914 г. Белгородского лазарета Всероссийского союза городов, который развернули недалеко от железнодорожного вокзала по улице императора Николая II, сведений о ней нет. Штатные сестры милосердия этого учреждения в Белгороде в графе, посвященной их профессиональной подготовке, указали: "Курсы при Белгородской земской больнице" [6, с. 76].

С началом войны Екатерина Анатольевна Барковская с малолетним сыном Владимиром осталась на попечении своего дяди и крестного отца Константина Петровича Курченинова. На плечи 56-летнего земского врача – выпускника Санкт-Петербургской Военно-медицинской академии 1883 г., с 1887 г. доктора медицины в области хирургии [7], легла вся ответственность за семью племянницы-крестницы, родительские обязанности и воспитание внучатого племянника. К. П. Курченинову как практикующему врачу высокой квалификации на должности заведующего Белгородской земско-городской Александровской больницы, имеющему огромный опыт организации земской медицины и санитарии на юге Курской губернии, предстояло принять участие в реализации инициатив местного уездного земства по развертыванию лазаретов, а также в подборе и подготовке кадров сестер милосердия. Выпускницами земских курсов стали сестры милосердия местных лазаретов – медперсонал первичного звена белгородских военно-медицинских учреждений: Екатерина Анатольевна Барковская, Софья Федоровна Курченинова, Надежда Петровна Золотарева, Зинаида Ксенофоновна Рыжкова и др., которые в 1914 г. поступили на службу сестрами милосердия во вновь открывшиеся земско-городские лечебные учреждения в Белгороде.

Оставаясь в годы войны, сначала Первой мировой, а затем Гражданской в Белгороде, Екатерина Анатольевна Барковская с сыном, и при Советской власти продолжала состоять в штате медицинских работников Белгородского уездного отдела здравоохранения Курского губздравотдела. Последовательно с 1 июля 1920 г. она выполняла профессиональные обязанности: сестры милосердия в детской и инфекционных больницах; сестры-хозяйки или заведующей хозяйственной частью в той же инфекционной больнице и в Доме матери и ребенка. Для трудоустройства в советские медицинские учреждения уездного города Белгорода в начале 20-х гг. ей потребовалось направление на работу с формулировкой: "От народного образования по материальному положению служащего и его семьи, на плановое содержание сына" [8].

В начале 20-х гг. потребность в медицинских работниках у местных органов Советской власти значительно возросла в связи с крайне сложной санитарно-эпидемиологической обстановкой на юге Черноземья. В 1921 г. на территории Курской губернии свирепствовали сыпной тиф и холера. Все наличные силы медперсонала лечебных учреждений на местах были использованы для борьбы с эпидемиями и их последствиями. Медицинские работники Белгородской детской больницы, в которую изначально поступила Барковская, были переведены в инфекционную больницу (до революции называлась холерными бараками), где Екатерине Анатольевне вскоре предложили занять должность сестры-хозяйки [9].

За риски в условиях эпидемии, связанные с выполнением работы в инфекционной больнице, медикам полагался паек из товаров первой необходимости – соли, спичек и кофе. Регулярно раз в три месяца фамилия Е.А. Барковской включалась в именные списки на получение 12 фунтов соли, ¼ фунта кофе и 9 коробок спичек [10]. Норма продовольственных дотаций начала 20-х гг. советскому служащему в белгородских учреждениях здравоохранения соответствует следующим современным мерам веса: это почти 5 кг соли, более 1 стакана молотого кофе (полстакана нежженого) из расчета в одни руки. Ассортимент товаров постоянно неизменный и поражает минимальным набором товаров первой необходимости и наличием среди них кофе. Без этого напитка уже в те времена трудно себе представить представителей интеллигентских профессий XX ст. В однообразии ассортимента товаров продпайка совслужащего были и плюсы. Семья, состоявшая из матери и ребенка, часть соли и спичек могла обменять на другие товары первой необходимости, чтобы выжить в условиях послевоенной разрухи и голода.

О том, что семья Барковских в начале 20-х гг. нуждалась, и потребность в пополнении семейного бюджета была острой, свидетельствует и такой немаловажный факт. В 1923/1924 учебном году дядя Екатерины Анатольевны Константин Петрович Курченинов работал по совместительству школьно-санитарным врачом Белгородского уезда. А его племянница Барковская вместе с Софьей Федоровной Курчениновой подрабатывали сестрами милосердия в городском детском городке. Интересны сведения о размере получаемого жалования за выполнение обязанностей сестры милосердия по охране детского здоровья в летнее время: за август месяц 1923 г. каждой полагалось получить в кассе по 9,90 руб. или 4,60 золотом [10, л. 45].

Данные расчетной ведомости на выдачу зарплаты от 30 ноября 1924 г. по медперсоналу школ Белгородского уезда, городского детского городка показывают, что уровень оплаты труда первичного звена медицинского персонала напрямую зависел от наличия документа об образовании – и для тех, кто его предоставлял, месячный оклад повышался до 10 руб. 50 коп. (без указания перевода размера зарплаты в твердой валюте). В ноябрьском списке на выдачу ежемесячного содержания советским служащим по совместительству значились врач Курченинов Константин Петрович (21 руб. 85 коп.) и сестра милосердия Курченинова Софья Федоровна (10 руб. 50 коп.) [11]. К концу 1924 г. фамилия Барковской в кассовых ведомостях на оплату жалования медработников, работающих по совместительству в школьных учреждениях, отсутствует. Это может лишь свидетельствовать о том, что для нее лично одна из работ по совместительству закончилась.

С июля 1924 г. по сентябрь 1927 г. включительно фамилия Е. А. Барковской регулярно фиксировалась в требовательных ведомостях на получение жалования служащими Белгородского Дома матери и ребенка. За работу по совместительству (о чем имеются сведения в архивных документах) завхозу Белгородского Дома матери и ребенка Е. А. Барковской было установлено вознаграждение с окладом в размере 35 руб. [12]. Обязательным требованием инструкции Наркомата здравоохранения [13] при приеме на полную ставку в Дом матери и ребенка сестры-хозяйки было: "Проживание при учреждении сестры – инструктора, *сестры – хозяйки* и дворника". Условия работы по совместительству позволяли матери Барковского жить в домашней обстановке с сыном, а не отдавать подростка на попечение родственников.

В должностные обязанности сестры-хозяйки Дома матери и ребенка или завхоза в соответствии с инструкцией входили "ведение хозяйства учреждения (кухни, прачечной, бельевого, хозяйственная отчетность), наблюдение за чистотой и порядком, руководство хозяйственным персоналом". По штатному расписанию в Доме матери и ребенка на 40 коек было предусмотрено 16 служащих. Белгородское социально-медицинское учреждение относилось к типовым заведениям по охране материнства и младенчества, рассчитанным на 30 детей и 10 матерей, но постоянно оставалось переполненным. В непосредственном подчинении 30-летней сестры-хозяйки Екатерины Барковской находились пять человек хозяйственного персонала. Заведующая хозяйственной частью – сестра-хозяйка, как представитель администрации учреждения, руководила работой кухарки, трех прачек, дворника-истопника. В Белгороде при Доме матери и ребенка работала женская консультация со своим штатом в 6 человек, из которых к хозяйственному персоналу относилась уборщица. Она выполняла работы по поддержанию чистоты и порядка в помещениях общего Дома, контроль за которым осуществляла сестра-хозяйка Барковская.

В соответствии с протоколами заседания специальной комиссии по обследованию Белгородского Дома матери и ребенка изначально выбранное для него здание по улице Ленина, 15 (бывшая до 1917 г. улица императора Николая II) оценивалось следующим образом: "На болотистой местности, вследствие чего дети и персонал болели малярией. Отсутствие служб ... как сарай, погреб, прачечной. ... Окна выходят на север, солнца никогда не бывает. ... Сад и двор разгорожены и являются местом для гуляния посторонней публики. ... Слишком большое помещение (по кубатуре) при неисправных печах требует большого количества топлива. Большая часть бюджета дома ушла на дрова". Поиски нового, более приспособленного здания для Дома матери и ребенка, завершились по решению подотдела материнства и младенчества Курского губздравотдела переездом в бывший дом Писклова по ул. Покровской [13, л. 25].

В Доме матери и ребенка принимали по направлениям комиссии Совета социальной помощи 30 детей и до 20 одиноких будущих матерей из числа трудящихся женщин на период отпуска по беременности. Они могли "провести правильный режим перед родами и отдохнуть после родов, ... пройти школу материнства – усвоить гигиенические сведения по уходу за собой и своим ребенком и приучить ее проводить эти сведения в жизнь; ... приучить ее к ребенку, чем предотвратить подкидышание". С их помощью решалась и актуальная для общества проблема "воспитания на материнском молоке" части грудных детей – сирот с раннего возраста. Но Дом матери и ребенка был социально-медицинским учреждением, в котором женщины продолжали трудиться, выполняя следующие обязанности – "уборку помещений, принос детского питания, прогулки с детьми, очередное дежурство в помощь кухарке по приготовлению пищи для матерей и прикорма для детей и другие ... работы ... в помощь сестрам и няням". Медицинский персонал (заведующий, акушерка, сестра-инструктор) не только наблюдал за пациентами, но и проводил систематические занятия и беседы по вопросам детской гигиены и физиологии, уходу за ребенком и вскармливанию. Обязательной была и политико-воспитательная работа в коллективе, которая велась по плану и программе женотдела. Для организации коллектива проводили выборы старосты из своей среды, которая назначала матерей на ежедневные дежурства в столовой, кухне, спальнях, детских и т.д. (кроме ночных дежурств).

В Доме матери и ребенка размещались спальни (материнские и детские), комнаты для кормления и приема посетителей, занятий и лекций. Предусматривалось также и наличие в нем по два отдельных изолятора и ванных комнат, умывальной для мам, комнаты для врача, кухни, столовой, прачечной, сушилки, бельевого для канцелярской работы.

Белгородский уздравотдел вводил строгие правила посещения родственниками Дома матери и ребенка: "Не более чем два раза в неделю, по воскресеньям и средам, ... только в халатах и не более чем

два часа времени". "В другие дни посещение ... допускается только с разрешения врача – заведующего Домом. ... К больным детям ... не допускаются вовсе" [13, л. 10].

Покровитель матери Володи Барковского и ее крестный отец Константин Петрович Курченинов посвятил медицине без малого 40 лет (1887 – 1926 гг.), поступив на земскую службу после окончания Военно-медицинской академии, и не изменял своему призванию всю жизнь. Заполняя в очередной раз анкету перед своим увольнением в 1926 г., констатировал, что изначально им были представлены "все документы во врачебный отдел Курского губернского правления" [14]. В 20-х гг. он работал как врач хирургического кабинета на приеме больных в Белгородской центральной рабочей амбулатории – уездной поликлинике (до революции при земско-городской больнице) и по совместительству школьным санитарным врачом. Будучи на службе по отделу здравоохранения общего отдела Белгородского уездного исполкома, врач К. П. Курченинов получал жалование с окладом в 72 руб. С уходом с работы в солидном 69-летнем возрасте высококвалифицированного врача, доктора медицины в области хирургии Константина Петровича Курченинова Екатерина Анатольевна Барковская могла рассчитывать только на собственные силы, поднимая на ноги своего сына

Временные рамки сведений за июль 1920 – сентябрь 1927 гг., выявленных в кадровом делопроизводстве белгородских медицинских учреждений о Екатерине Анатольевне Барковской, полностью совпадают со школьным возрастом Володи Барковского. По достижении школьного возраста подавляющее число белгородских родителей старались отлавать детей в школу не старше 8 лет, и перед Е. А. Барковской встала проблема выбора учебного заведения. В начале 20-х гг. Е. А. Барковская, получая направление на работу от народного образования не только по материальному положению семьи, а еще и потому, что средства советской служащей были необходимы "на плановое содержание сына" [15].

В 1922/1923 учебном году в "шаговой доступности" от места жительства Барковской с сыном были расположены на ул. Покровской 7-ая советская школа I ступени и школа II ступени по ул. Комсомольская, 44-а с 5-летним сроком обучения. В этом году школьная сеть города Белгорода сократилась по школам I ступени с 11 до 3, школам II ступени с 5 до 2 [16]. После реорганизации дореволюционной школьной системы на основании декрета ВЦИК от 16 октября 1918 г. советская начальная школа с 4-летним сроком обучения относилась к единой трудовой школе I ступени. Программа обучения в общеобразовательном заведении включала изучение следующих предметов: в 1 классе – русского языка и арифметики, во 2 классе – добавлялись природоведение и география, в 3 классе – история, в 4 классе обучение велось по всем предметам школьной программы.

Советская школа II ступени, являясь общедоступной, массовой, частью единой трудовой школы, организовывалась в провинциальных городах, по преимуществу, на базе дореволюционных гимназий. Для Е. А. Барковской – советской служащей с учительской профессией, полученной до 1917 г., школа II ступени была более понятной как типичный пример прогимназии, становилась изначально предпочтительней. Советской программой предполагалось изучение следующих предметов: русский язык, арифметика (только в 1 классе), геометрия, алгебра, физика, природоведение, география, немецкий язык, история и политграмота (начиная с 3 класса).

Советская школа II ступени изменялась в сторону увеличения сроков продолжительности обучения (5 – 7 – 9 лет) и изменения содержания программ обучения 7-летки и школы повышенного типа с 9-летним обучением. В советской школе II ступени – 7-летке дети и родители могли рассчитывать на получение знаний по дисциплинам гуманитарного цикла: родному языку и литературе, обществознанию, немецкому языку; по естественно – научным предметам: математике, алгебре, геометрии, естествознанию, физике, химии, географии. В советской школе перестала быть самостоятельной учебной дисциплиной история, включенная в программу обществознания. Не преподавались древние языки – латинский, греческий. Необязательным стало изучение двух иностранных языков – немецкого и французского (разговорного языка образованного русского дворянства). Русский язык стали называть родным языком. Исчез из программы обучения Закон Божий с разделами церковной истории и литературы, знаниями общечеловеческих ценностей, традиций и обрядов православия. Огромный пласт русской православной культуры фактически оказался под строжайшим запретом.

Главным предметом советского школьного образования стало обществознание, курс которого заканчивался письменным контролем знаний учащихся. Усвоение учащимися программного материала школьного курса обществознания проверялось ежегодно в ходе письменных ответов на вопросы контрольных заданий. Например, выпускникам 7 класса 1926 г. предстояло ответить на следующие контрольные вопросы: "Дайте определение финансового капитала. Что такое "нэп", когда она введена и с какой целью? Дайте определение коммунистического общества". Проверка качества идейно-политического образования и воспитания подрастающего поколения продолжалась и на экзамене по родному языку и литературе: "Укажите литературное произведение, в котором рисуется мощь человека, победившего природу. В каких литературных произведениях представлен высокий образ Ленина? В каких литературных произведениях выказываются типы слуг капитала?". Не лишены идейно-политического содержания и контрольные вопросы на экзамене по иностранному языку, например, "Какой ваш лозунг?" [17].

Какими основными постулатами марксистско-ленинской идеологии постепенно наполнялись умы подрастающего поколения в 20-е годы и чему учили старшеклассников Белгорода на уроках

обществознания можно узнать, открыв программу этой учебной дисциплины [17, л. 90 – 90 об.]. Один из разделов программы озаглавлен "Империализм". Содержание дидактических единиц выглядело следующим образом: "Развитие империализма на Западе. Рост и значение тяжелой индустрии. Развитие империалистической системы. Анархия в производственных отношениях в капиталистическом обществе и ее последствия: кризисы и войны. Развитие международных связей в форме капиталистических объединений. Господство финансового капитала. Развитие борьбы за раздел мира между империалистическими государствами. "Сферы влияния", полуколонии, колонии. Militarизм. Таможенные и колониальные войны. Союзы национально-буржуазных государств. Империалистическая политика России". 14 – 17-летним старшеклассникам советской средней школы прививали не только устойчивый интерес к ленинской доктрине империализма, но и формировали догмы и стереотипы мышления советского человека, в том числе в области изучения российской истории, разделяя ее на два этапа – до и после октября 1917 г.

Архивные документы засвидетельствовали изменения в правилах приема учащихся в образовательные учреждения в 1927/1928 учебном году, когда администрациям школ и школьным советам настоятельно было рекомендовано руководствоваться в своих действиях следующими правилами: "Больше, в первую очередь предоставлять места рабочим, крестьянам и трудовой интеллигенции...; и поставить вопрос об освобождении взимания платы за право обучение с детей рабочих и крестьян – бедняков и середняков" [17, л. 90 – 90 об.]. Мать ученика Володи Барковского не могла попасть ни в разряд рабоче-крестьянской "трудовой" интеллигенции по своему происхождению, уж тем более не принадлежала по классовому принципу делению общества к бедняцко-середняцкой ее части.

Будущий Герой России разведчик Владимир Борисович Барковский – типичный представитель поколения белгородских детей без отцов, исчезнувших в пучине военного лихолетья. Без всякого сомнения, подростки могли проявлять живой интерес к тому, что происходило за пределами школы. Например, в рядом расположенном в Белгородском планерном кружке, особенно в моменты строительства моделей, подготовке их разного рода испытаниях, в том числе и всероссийского уровня. Членами кружка планеристов как наиболее активной и результативной структуры уездного отделения Общества друзей воздушного флота (с 1925 г. Осовиахима) состояли юноши не моложе 17 – 19 лет. Теоретические и практические занятия членов кружка планеристов проходили в бывшем Николаевском мужском монастыре. Только для увлеченной авиамодельным спортом молодежи рабоче-крестьянского происхождения открывалась дорога к получению направления для продолжения обучения по профессии, связанной с авиацией. При всестороннем анализе массива сохранившихся в фондах архивных документов за 1923 – 1928 гг. не удалось найти достоверных сведений о членстве Владимира Барковского в Белгородском кружке планеристов и документально подтвердить любые проявления его личного интереса в раннем возрасте к авиации [18].

Зато анализ адресных данных места жительства семьи Курчениновых – Барковских в маленьком провинциальном городе Белгороде на улице Покровской показал, что в знакомстве двух представителей благородного сословия, будущих родителей Владимира – провинциальной барышни – дворянки Катеньки Курчениновой (местожительства) и офицера артиллериста Бориса Барковского (место службы) это обстоятельство сыграло далеко не последнюю роль. По данным 1909 г. в городском квартале на пересечении улиц Покровской, Батальонной и Соборной в бывшем Николаевском мужском монастыре: "в поместье очень большом и на возвышении, обнесенном старой вековой стеной с башнями по углам" находилось одно из мест дислокации 31 артиллерийской бригады [19]. Именно здесь и проходил службу поручик Борис Владимирович Барковский [20]. В Покровской церкви городского района под названием слобода Жилая, прихожанами которой являлись члены семьи Курчениновых, проходили богослужения и для военных 31 артиллерийской бригады. На карте Белгорода 1911 г. отмечены места расположения в городе полигона для стрельб, обозначенного как артиллерийское поле северо-западнее слободы Жилой, артиллерийских складов 31-й бригады по дороге через слободу на Болховец и ряд других, отведенных в городской черте для расквартирования воинской части [21].

В 1927 г. в жизни семьи Барковских вновь наступили трудные времена. Учитывая социальное происхождение советской служащей Е. А. Барковской и ее сына, юноше предстояло овладеть рабочей профессией, открывавшей дорогу на рабфак и покинуть провинциальный Белгород, который не располагал возможностями для получения высшего образования. Проявление интереса властей к семье Курчениновых – Барковских; в публикациях на страницах "Белгородской правды" в сентябре 1929 г. – феврале 1930 г., главный смысл которого в заголовке последней статьи – "Люди старого мира распоясались. Укротим их законом пролетарской диктатуры!" – делало их пребывание в Белгороде весьма проблематичным и небезопасным [22].

В 20-х гг. XX ст. авторитет семьи как один из главных инструментов социализации личности начинает подавляться учреждениями народного образования, средствами массовой информации, государственными институтами. Стереотипы поведения родителей, межличностные отношения в семье, язык, вера, образ мышления, модели поведения, социальные установки, система ценностей становятся предметами публичного обсуждения и средством перевоспитания подрастающего поколения из интеллигентных семей, включенных в профессиональные группы. Но к началу 30-х гг. предотвратить успешную адаптацию в новых условиях интеллигенции дворянского происхождения новая власть в провинциальных городах не смогла.

Источники и литература

1. Старченко Г. И. Социальный опыт выживания в повседневной жизни представителей "бывших" сословий в 20-начале 30-х гг. XX в. (на материалах биографии Героя России В. Б. Барковского) / Г. И. Старченко // Сборник научных трудов VI Международной научной конференции "Юг России и Украина в прошлом и настоящем: история, экономика, культура", Белгород, 27 – 28 октября 2011 г. / Отв. ред. И. Т. Шатохин, И. Г. Оноприенко. – Белгород : ООО "ГИК НИУ БелГУ", 2011. – С. 187 – 193.
2. Людке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии / А. Людке // Социальная история. Ежегодник. – 1998/1999. – С. 77.
3. Воробьев Д. Победа под грифом "секретно" / Д. Воробьев // Белгородская правда. – 2002. – 13 июля; Битюгин К. Атомный "Дэн" / К. Битюгин // Смена. – 2007. – 19 декабря.
4. Государственный архив Белгородской области (далее – ГАБО), ф. 135, оп. 1, д. 106, л. 415 – 415 об.
5. ГАБО, ф. Р-691, оп. 1"л". д. 32, л. 97 об.
6. Отчет о деятельности Всероссийского Союза городов помощи больным и раненым воинам за 1914 г. – Курск : 1915. – С. 23 – 31.
7. ГАБО, ф. Р-691, оп. 2"л", д. 92, л. 122.
8. ГАБО, ф. Р-691, оп. 1"л", д. 55, л. 12.
9. ГАБО, ф. Р-691, оп. 1"л", д. 32., л. 8, 22 об.
10. ГАБО, ф. Р-691, оп. 2"л", д. 43, л. 6.
11. ГАБО, ф. Р-691, оп. 2"л", д. 61, л. 6.
12. ГАБО, ф. Р-691, оп. 2"л", д. 92, л. 66 – 66 об, 67, 106, 109, 122, 136
13. ГАБО, ф. Р-691, оп. 1. д. 219. л. 25 – 27.
14. ГАБО, ф. Р-691, оп. 2"л", д. 92, л. 66, 67, 106, 122, 136 об.
15. ГАБО, ф. Р-691, оп. 1"л", д. 55, л. 12.
16. ГАБО, ф. Р-532, оп. 1, д. 73; д. 128, л. 82 – 84.
17. ГАБО, ф. Р-532, оп. 1, д. 215, л. 65.
18. Всего автором статьи проработано 26 архивных дел: ГАБО, ф. Р-579. – Белгородское уездное отделение Общества друзей воздушного флота; ф. Р-677. – Белгородский уездный совет Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству.
19. Кулегаев И. Путеводитель по городу Белгороду / И. Кулегаев. – Харьков, 1911. – С. 41, 63.
20. Курский адрес-календарь 1911 г. – Курск, 1911. – С. 257; Курский адрес-календарь 1914 г. – Курск, 1914. – С. 256.
21. ГАБО, ф. 69, оп. 1, д. 2, л. 10.
22. Бывшие люди живут да поживают // Белгородская правда. – 1929. – 28 сентября. – № 224 (329) – С. 5; Люди старого мира распоясались. Укротим их законом пролетарской диктатуры! // Белгородская правда. – 1930. – 14 февраля. – № 38 (445). – С. 6.

Галина Старченко

НАУКОВА БІОГРАФІЯ У ФОРМУВАННІ КАРТИНИ ІСТОРИЧНОГО ПРОЦЕСУ В РОСІЙСЬКІЙ ПРОВІНЦІЇ 20-х рр. ХХ ст. (ДО 100-РІЧЧЯ ВОЛОДИМИРА БОРИСОВИЧА БАРКОВСЬКОГО)

У статті на основі документів діловодства органів місцевої влади з фондів регіонального архіву реконструйовані модель поведінки й обставини життєвого вибору на історичному роздоріжжі сім'ї, що проживала у Белгороді до початку 30-х рр. і була розірвана війнами та революціями.

Ключові слова: досвід екстремального виживання в умовах війн та революцій, сестра милосердя, Дім матері й дитини, радянська школа I і II ступенів, сімейні традиції.

Galina Starchenko

SCIENTIFIC BIOGRAPHY IN FORMATION OF HISTORICAL PROCESS PICTURE IN PROVINCIAL RUSSIA IN THE 1920S (DEVOTED TO THE 100TH ANNIVERSARY OF VLADIMIR BORISOVICH BARCOVSKY)

The article reconstructs a model of behavior and circumstances of life choice of the family, while being in historical crossroad, had been living in Belgorod until 1930s and suffering from wars and revolutions. The reconstruction is made on the basis of local authority institutions' documents from regional archives funds.

Key words: experience of extreme survival in conditions of wars and revolutions, a nurse, Mother and Child Home; soviet school of stage I and II, family traditions.

Стаття надійшла до редакції 24.11.2012